

— Чжоу И... ты чего это?! — Господин Хань опешил. Он переводил недоуменный взгляд с одного молодого человека на другого, переводя дыхание перед натянутым струной зятем и еще не вошедшей в их семью «невестой». На лице пожилого мужчины промелькнула весьма красноречивая гамма чувств.

Его зять, офицер, которым он так гордился, сейчас вытянулся во фрунт, словно отдавал образцовый воинский салют, — не хватало только вскинуть руку к козырьку! Зато забеременевший до свадьбы «будущий супруг» сына лишь безмятежно улыбался. Его холодный, спокойный взор напоминал взгляд высокопоставленного инспектора, изучающего подчиненных на плацу.

Господин Хань, некогда бывший успешным коммерсантом, обладал великолепным чутьем — и оно его не подвело. Морис попытался вспомнить лицо зятя, но этот типичный восточный генерал-майор так и не всплыл в его памяти. На современной Земле давно стерлись границы национальных государств — теперь всей планетой заправляло Федеральное правительство, а человечество подчинило себе Солнечную систему и основало колонии на Меркурии. Разросшаяся бюрократическая машина породила сложную военную иерархию, где число офицеров каждого ранга во много раз превышало былые масштабы отдельных стран.

Один лишь генеральский чин делился на пять классов, от которых по принципу пирамиды спускались остальные звания. Морис, долгие годы занимавший высшие посты, видел слишком много генерал-майоров. Без веской причины он никогда бы не запомнил офицера из другого ведомства. С выходом человечества в глубокий космос изменилась и структура власти. Традиционное ведомство, в котором служил Чжоу И, сильно уступало космическому департаменту, занимавшемуся колонизацией Меркурия и Марса. И уж тем более его нельзя было сравнить с Базой № 9 или Хароном — структурами, ведавшими наследием древних сверхцивилизаций и допущенными к тайнам уровня «S».

Чжоу И не знал точного круга обязанностей Мориса, но не раз видел его в новостных репортажах с важнейших заседаний Федерального правительства. Особый фурор Морис произвел на недавней всемирной военной конференции. Его шелковистые золотые волосы, точеные черты лица, напоминавшие филигранную графику, аристократические манеры и, главное, статус генерала сделали его главной темой всех развлекательных каналов. Впрочем, не прошло и двух дней, как любые упоминания о нем были полностью сотрены из информационного пространства.

Морис попытался вспомнить хоть какую-то деталь, но в памяти ничего не всплыло. Под сложными, изумленными взглядами родственников Хань Цзина он протянул руку и мягко улыбнулся:

— Здравствуйте. Генерал Морис Норман.

Почувствовав, что ладонь собеседника слегка дрожит от волнения, Морис добавил мягче:

— В домашней обстановке можете звать меня просто по имени — Морис.

Хань Му тихо ахнула. Сердце ее бешено заколотилось, а язвительная колкость, которую она приготовила для младшего брата, так и застряла в горле. Она прекрасно понимала, какой вес имеет генеральское звание, — особенно теперь, когда ее собственный муж строил карьеру в этой жесткой армейской иерархии. Как и у ее отца, выражение лица Хань Му в мгновение ока сделалось неописуемо сложным.

Госпожа Хань растерялась не меньше. В душе она уже вовсю честила сына: ну что за несносный мальчишка, почему не предупредил о таком заранее?! Почувствовав, что пауза затягивается, она поспешила разрядить обстановку мягкой улыбкой.

— Ну что мы все стоим на пороге? Мы ведь теперь одна семья! Проходите, присаживайтесь. Чжан-ма, принеси праздничное меню, пускай Чжоу И и Морис посмотрят. Я специально оставила несколько позиций незаполненными, чтобы вы сами выбрали горячее.

— Да-да, если что-то не по вкусу — сразу говорите, не стесняйтесь, — подал голос Господин Хань. Он уже устроился на диване и добродушно улыбался; его недавняя суровость бесследно испарилась. — Хань Цзин, помоги Морису сориентироваться. Посмотри, нет ли там продуктов, которые ему противопоказаны.

Морис вежливо поблагодарил и открыл меню. Он заметил, что изначально запланированные морепродукты были аккуратно вычеркнуты, а вместо них добавлены кисло-сладкие блюда тайской кухни.

— Мама к тебе так добра... — Хань Цзин склонился к его плечу и заговорщически прошептал: — Я ведь всего раз обмолвился, а она запомнила, что ты любишь рис с манго и суп том-ям.

Господин Хань вел неторопливую беседу со своим зятем, но краем глаза непрестанно следил за сидевшим напротив сыном.

Увидев, как Хань Цзин совершенно естественно приобнял Мориса за талию, и бросив взгляд на его уже заметно округлившийся живот, Господин Хань окончательно растаял, позабыв обо всех недавних упреках. Он тихонько расспросил зятя и наконец вспомнил кадры с той самой конференции. Лицо Мориса было слишком запоминающимся — неудивительно, что жене оно показалось знакомым.

Как Хань Цзин и предполагал, оппозиция Господина Ханя рухнула. Теперь Господин Хань радушно расспрашивал гостя о житейских мелочах, ненавязчиво пытаясь вывести подробности о его происхождении и связях. Это было неизбежно. Морис, мягко отбросив официоз, терпеливо отвечал на щекотливые вопросы, изящно и невозмутимо подыгрывая Хань Цзину.

Обстановка постепенно разрядилась. Чжоу И, муж старшей сестры, осмелел и уже с улыбкой обращался к генералу просто по имени. Вскоре стали прибывать родственники и другие званые гости. Отец Хань, сияя от гордости, лично водил Мориса по залу, представляя его каждому вновь прибывшему.

Госпожа Хань отвела сына в сторонку. Хань Цзин то и дело посматривал на Мориса: тот, хоть и держался с легкой прохладой, терпеливо общался с незнакомыми людьми, демонстрируя безупречные светские манеры, а уголки его губ оставались вежливо приподнятыми.

— Мальчишка, ты меня вообще слушаешь? — Госпожа Хань чувствительно уцепила сына за локоть и сердито зашептала: — Совсем от рук отбился! Выкладывай, что еще вы от нас скрываете?

— Да ничего больше, мам, честное слово, — Хань Цзин неохотно оторвал взгляд от Мориса. — Я просто оберегал его чувства, хотел, чтобы он сам все рассказал. Пойми, он занимает такое высокое положение, и вдруг забеременел от меня... Ему наверняка неловко. Я боялся сболтнуть лишнего и ранить его.

— Что значит «неловко»? Тыфу на тебя, бесхребетный! — ворчала госпожа Хань. С тех пор как раскрылась правда о Морисе, у нее на душе было беспокойно. Вековая восточная традиция гласила: дочь нужно выдавать в семью повыше, а невестку брать из семьи попроще. А тут единственный сын умудрился сойтись с потомственным аристократом, да еще и высокопоставленным офицером. Это же не брак, а добровольное рабство перед «императором», от одной мысли о котором перехватывало дыхание.

Разница в их положении казалась пропастью. Морис — его непосредственный начальник, четырёхзвёздный генерал, каких на пальцах перечесть, а его отец и вовсе пятизвёздный генерал Грант Норман... Мысли об этом вгоняли мать в уныние. Будущее сына рисовалось ей в мрачных красках: бедняге придется куда солонее, чем бесправному примаку в чужом доме.

— И ты действительно так сильно его любишь? Прямо-таки свет на нем клином сошелся? — не унималась мать.

— Мам, но ведь отец уже дал добро. Чего ты опять заладила? — удивился Хань Цзин.

— Да я... я же за тебя переживаю! — вздохнула госпожа Хань, глядя на него с глубокой материнской заботой.

— Да о чем тут переживать? — пробормотал Хань Цзин, вновь прикипев взглядом к Морису.

Мать посмотрела на его влюбленное лицо. Сын явно витал в облаках и пропускал все ее предостережения мимо ушей. Немного помолчав, госпожа Хань неохотно сдалась:

— Ладно. Раз уж вы все закрутили до такой степени, ничего не поделаешь. Раз он согласен на брак, то станет частью нашей семьи. Мне все равно, какой властью он обладает на службе, но дома он — твой супруг, носящий под сердцем твою кровь. Я-то надеялась, что ты найдешь себе тихую, заботливую жену, которая будет за тобой ухаживать, и плевать мне было на ее происхождение. Теперь об этом можно забыть.

Госпожа Хань с грустью посмотрела на своего взрослого сына, который в ее глазах навсегда останется маленьким мальчиком.

— Он такой властный, да еще и твой непосредственный начальник... Вдруг ты когда-нибудь пожалеешь об этом? Обидит он тебя — и заступиться некому! Они ведь потомственные аристократы, от такого заботы в быту не дождешься. Ты же у меня с пеленок ни в чем отказа не знал, горя не видел! И как тебя угораздило влюбиться в человека, перед которым самому придется на цыпочках ходить?!

— Ну ма-а-ам... — Хань Цзин ласково сжал ее ладонь; ее тревога тронула его до глубины души. — Не накручивай себя. У нас с Морисом все прекрасно. Жалованье у меня приличное, мы вполне можем позволить себе прислугу. Все домашние хлопоты лягут на чужие плечи, твой сын точно не перетрудится!

— Много ли платят тебе, простому математику? Все состояние у него! Если он один будет содержать семью, ты перед ним и пикнуть не посмеешь. Вот что: если понадобятся деньги — сразу говори мне. У меня всегда припрятана для тебя круглая сумма.

— Хорошо, — улыбнулся Хань Цзин. Глаза у него предательски заблестели от нахлынувших чувств.

Он ведь не мог признаться матери, чем на самом деле занимается. Недавно его повысили, и оклад вырос в разы... Но если возникнут трудности, он непременно попросит ее о помощи.

— Да сколько бы тебе ни прибавили, его доходы все равно больше, — госпожа Хань нахмурилась, терзаемая непреходящим беспокойством. — Больше всего боюсь, что тебя начнут попрекать куском хлеба. Поэтому жилье вы должны купить сами, как велит наш восточный обычай. Иначе ты никогда не сможешь держать голову высоко в его семье. Мы с отцом уже все обсудили. Ваша вилла в Эвиду, расходы на свадьбу и медовый месяц — все это мы берем на себя. И это не обсуждается, если ты действительно намерен на нем жениться, — пресекла она любые возражения сына. — Твоя главная задача сейчас — поскорее определиться с датой. Живот у него растет не по дням, а по часам, скоро совсем округлится. Нельзя же тянуть до седьмого-восьмого месяца или, чего доброго, до самих родов! Что тогда скажут родственники?!

Этот уикенд в доме Хань превзошел все ожидания Мориса. Не только были улажены все формальности касательно брака, но и искренняя забота госпожи Хань подарила ему давно забытое тепло материнского очага, которое он знал лишь в далеком детстве. Стремление обеих сторон понравиться друг другу принесло плоды — атмосфера была на редкость гармоничной. Провожая их, родители Хань Цзина вновь настойчиво попросили не затягивать со свадьбой.

Хань Цзин по обыкновению лишь отшучивался с видом баловня судьбы. Морис же отнесся к словам будущих родственников серьезно, однако навалившиеся дела заставили его на время отложить мысли о торжестве. Приняв под свое командование огромную структуру на Хароне, он целыми днями пропадал в здании Федерального правительства на бесконечных совещаниях. Его график был забит до отказа.

Хань Цзину тоже приходилось несладко. Недавно сформированная исследовательская группа Нордик пока не получала конкретных полетных заданий и пребывала в стадии организационного хаоса, однако Хань Цзин был обязан дважды в неделю предоставлять отчеты руководству. Из-за стратегической важности и секретности проекта эти доклады заслушивал не только его непосредственный начальник, но и высшее командование, включая самого Мориса. Каждый раз, когда ему, сугубо кабинетной науки человеку, не привыкшему к публичным выступлениям, приходилось держать ответ перед строгим и холодным генералом, Хань Цзин испытывал колоссальное напряжение.

К тому же все бытовые заботы целиком легли на его плечи. Морис привык к заботе Хань Цзина, да и аристократическое воспитание не предполагало знакомства с приземленной житейской рутинной — готовкой, уборкой и прочими мелкими хлопотами. Хань Цзин, которого в детстве баловали не меньше, без тени сомнения взял все эти обязанности на себя. Переезд из виллы в районе Эрато, составление питательного и сбалансированного меню для Мориса — обо всем этом теперь приходилось думать ему. К счастью, опыт, пережитый в Иллюзии Атлантиды, закалил его, иначе один только быт доконал бы его, не говоря уже о необходимости выкладываться на работе на полную мощность — ведь он никак не мог ударить в грязь лицом перед своим верховным главнокомандующим.

Время летело незаметно. Спустя полмесяца напряженного ритма Хань Цзин наконец нащупал баланс между службой и домом. В будние дни он заказывал готовую еду из различных ресторанов с учетом гастрономических предпочтений Мориса, а по выходным с удовольствием хозяйничал у плиты сам, балуя любимого его любимыми лакомствами.

Однако сегодняшняя пятница была особенной. Хань Цзин впервые за долгое время взял полдня отгула. Ничего не сказав Морису и получив разрешение начальника, он сел в машину и покинул правительственный квартал.

Пятничные распродажи заманили в торговые центры толпы людей; даже на фешенебельной улице Паллас было оживленнее, чем обычно. Хань Цзин с крайне серьезным и сосредоточенным видом стоял в салоне Ювелирного дома Европа, ожидая выдачи своего заказа.

Когда консультант вынесла упакованный футляр размером с солидный художественный альбом, Хань Цзин почувствовал легкое смущение. Хотя сделка оставалась конфиденциальной, под понимающей, теплой улыбкой девушки он принял увесистую коробку с долей неловкости. Он напустил на себя невозмутимый вид, вежливо кивнул в ответ на прощальное напутствие и поспешил выйти из салона.

Стоило ему сесть за руль, как в кармане настойчиво зазвонил телефон.

«Снова мама», — со вздохом подумал Хань Цзин. В последнее время ее звонки сыпались на него как из рога изобилия, не давая передышки.

Стоило ему нажать кнопку ответа, как раздался ее не терпящий отлагательств голос:

— Ну что, вы наконец определились с датой свадьбы?

— Пока нет, мам. Закрутился совсем на работе, времени вздохнуть нет.

— Да какая бы ни была занятость, разве можно такое откладывать?! — сокрушалась госпожа Хань на том конце провода. — Не думай, что я просто ворчу. Я ведь не тебя тороплю, у него живот растет! Тебе-то легко рассуждать, а он наверняка извелся весь!

«Морис? Извелся?» — Хань Цзин невольно выпрямился. Он вспомнил бесконечные сверхурочные часы Мориса на этой неделе. Вид у генерала всегда был предельно собранный, никакого нетерпения он не выказывал. Впрочем... даже если у него и были подобные мысли, он бы ни за что не признался в своей слабости.

— Конечно извелся! Ты видел, какой у него уже срок? Шестой месяц пошел! — госпожа Хань решила ковать железо, пока горячо. — У тебя голова на плечах есть вообще? Или ты всерьез ждешь, пока Морис сам встанет перед тобой на колени?!

— Да нет же, я как раз только что забрал кольцо, — тихо буркнул Хань Цзин, не желая раскрывать все карты раньше времени.

— Забрал? — госпожа Хань на мгновение опешила. Ей стало немного обидно, что сын стал таким скрытным и теперь все его помыслы принадлежали другому человеку. Но материнское беспокойство быстро взяло верх: — Купил то, что я велела? От Арпельс? Морис тогда преподнес мне комплект их ювелирного дома, это высочайший уровень. Уверена, он ценит этот бренд.

— В Арпельс не делают то, что мне было нужно. Поэтому я выбрал Ювелирный дом Европа.

— Ну что за упрямый мальчишка! Никогда мать не слушаешь! — вспылила госпожа Хань. — Европа, конечно, хороша, но до Арпельс все же недотягивает. Морис вырос в роскоши, он с первого взгляда отличит посредственность от эксклюзива!

— Мама! — Хань Цзин постарался набраться терпения. — В предложении главное — искренность, а не ценник и не имя бренда! Не переживай, я все продумал. Все пройдет идеально.

— «Идеально» у него... Даже если сам Морис промолчит, его отец — твой будущий тесть — обязательно обратит внимание. Ты должен держать марку, чтобы потом не выслушивать упрёки. Кстати, вы наняли прислугу? Если еще нет, я могу прислать к вам Чжан-ма. Свои люди всяко надежнее чужих.

— Да, наняли, — соврал Хань Цзин.

На самом деле они пользовались лишь услугами приходящей помощницы. Морис категорически не желал, чтобы посторонние видели его округлившийся живот и временную неуклюжесть, поэтому от постоянной прислуги в доме они отказались.

При мысли о грозном тесте, которого он еще ни разу не видел, у Хань Цзина неприятно засосало под ложечкой.

— Мам, давай потом поговорим, я за рулем.

— Да? Ну тогда осторожнее на дороге, не отвлекайся, — госпожа Хань тут же послушно повесила трубку.

Солнечный свет незаметно померк, небо окрасилось в глубокие синие тона, уступая место ночной прохладе. В колоссальном высотном здании Федерального правительства лишь редкие окна продолжали светиться — в пятницу вечером офисы пустели на удивление быстро.

Кэти по просьбе Хань Цзина принесла в кабинет Мориса стакан теплого молока и тарелку с десертом, аккуратно поставив их на край рабочего стола.

— Генерал, последняя партия документов отправлена по назначению. Ничего срочного больше нет, может, сделаете перерыв? — тихо спросила она.

Узнав о беременности командующего, Кэти испытала глубочайший шок, однако довольно быстро взяла себя в руки. Она и раньше догадывалась, что между генералом и Хань Цзином существует особая связь, но никак не ожидала, что этот неприступный, подобно ледяной скале, человек окажется принимающей стороной.

Глядя на Хань Цзина — скромного, интеллигентного и даже слегка старомодного ученого, Кэти, как и все немногие посвященные, до сих пор не могла до конца уложить это в голове.

Морис сидел в заново сшитом по фигуре парадном кителе. Его длинные золотые волосы струились по плечам, а на серо-голубых рукавах тускло поблескивали золоченные пуговицы. Он не ответил секретарю сразу. Закончив с последним отчетом, он наконец поднял голову и обнаружил, что за окном давно воцарилась ночь, а Кэти все еще терпеливо ждет у стола.

— Что-то еще? — спросил Морис.

Он переплел пальцы рук, сохраняя внешнее хладнокровие, хотя ноющая боль в пояснице давала о себе знать. Просидев на одном месте несколько часов подряд, он наконец позволил себе немного расслабиться, и тут же ощутил сильную ломоту во всем теле.

Кэти замялась, подбирая слова.

— Генерал, я не уверена, стоит ли мне говорить об этом... Но полагаю, вам необходимо знать.

Заметив, как Морис едва заметно кивнул, устремив на нее спокойный взгляд сапфировых глаз, она перевела дух и продолжила:

— По ведомству поползли слухи... Касательно вас и Хань Цзина.

— Не волнуйся. Подобные вещи не скрыть, рано или поздно правда выплыла бы наружу, и я к этому готов, — Морис снисходительно улыбнулся. — Не забывай, где мы находимся. В кулуарах Федерального правительства всегда идет ожесточенная борьба за власть. Думаю, еще пара дней, если не завтра, и эти пересуды докатятся до самых низов.

— И как нам поступить?

— Держаться уверенно. Ничего не отрицать и не оправдываться, — Морис ненадолго задумался, после чего добавил: — Да, я не хочу выставить напоказ свою временную слабость и неуклюжесть перед посторонними, но я никогда не собирался скрывать наше решение пожениться. Такое не утаишь, да у меня и нет подобного желания. Чему быть, того не миновать, а слухи — это лишь верхушка айсберга...

Морис нахмурился. Он прекрасно понимал, что теперь скрывать происходящее от отца больше не удастся.

<http://bllate.org/book/19677/2006474>